

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Акимов О.Ю. Образ мира в творчестве Василия Розанова // Философия и культура. 2025. № 5. DOI:

10.7256/2454-0757.2025.5.74364 EDN: EQWKGI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74364

Образ мира в творчестве Василия Розанова

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

РАНХиГС КАЛИНИНГРАД

Акимов Олег Юрьевич

ORCID: 0000-0003-0941-7382

кандидат философских наук

ассоциированный научный сотрудник; Западный филиал РАНХиГС при Президенте РФ

236016, Россия, Калининградская область, г. Калининград, ул. Артиллерийская, 62

aktula1@gmail.com

[Статья из рубрики "Рациональное и иррациональное"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.5.74364

EDN:

EQWKGI

Дата направления статьи в редакцию:

07-05-2025

Дата публикации:

22-05-2025

Аннотация: Предметом исследования является творчество Розанова, рассматриваемое в контексте основной интуиции духовных исканий мыслителя — видения мира как порядка, видения мира как хаоса и видения мира как взаимодействия порядка и хаоса. Особенность видения мыслителя заключается в том, что феномен мира занимает в его

теории срединное положение между философским понятием и образом, что дает возможность интерпретации творчества Розанова как философии, реализованной в художественной форме. Эта специфика «подхода» Розанова позволяет эксплицировать философию мира как ряд взаимных переходов между миром как образом и миром как понятием, что дало мыслителю возможность совместить между собой интуицию античного космоса (предельного и замкнутого) и христианскую интуицию мира как творения Бога, бесконечно приближающегося к творцу. Творчество мыслителя представляет собой незавершимый диалог этих интуиций, фундированный в конечности жизни человека Розанова. В работе используется метод историко- философской реконструкции (при сопоставлении образа мира Розанова с интуициями космоса в античной и христианской философии) герменевтический метод (для интерпретации образов мира в поздних произведениях мыслителя) и диахронический метод (при сопоставлении образов мира у Розанова с интуициями М. Вебера и М. Хайдеггера). Научная новизна исследования заключается в экспликации образов мира в творчестве Розанова как константы, не сводимой непосредственно ни к метафизическим интуициям мыслителя, ни к содержанию его поздних произведений. Это дает возможность не предписывать Розанову конкретную картину мира, а воссоздавать ее непосредственно следуя образам поздних произведений мыслителя. Это существенно дополняет традицию изучения творчества Розанова в отечественной философии, в соответствии с которой конкретные образы поздних произведений Розанова выстраиваются с опорой на целое, которым обычно является религиозная центрированность видения мыслителя. Специфика видения Розанова рассматривается как расщепление целого, при котором оно содержится в каждом конкретном образе, не актуализируясь как трансцендентное этим образам начало, что обуславливает неразрешимые внутренние противоречия философа.

Ключевые слова:

Мир, Жизнь, Космос, Интуиция, Творчество, Порядок, Хаос, Феномен, Концепт, Образ

Введение

Основополагающий комплекс идей В.В. Розанова сводится к отношению Бога и мира, актуализируясь как единая интуиция. Творчество мыслителя, сложное и разнообразное по своему характеру и проблематике, вызывало интерес исследователей разных поколений. В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, Г.В. Флоровский, А.Д. Сияновский и др. подчеркивали его религиозный характер. Особенность текстов Розанова заключалась в том, что у него, одна идея, как правило, существовала в диалоге с другой, что отмечал А. Д. Сияновский: «Розанов берет парные двучленные сочетания (например, душа и тело), а не идет от идеи к идее» [\[1, с.22\]](#). Замечание А.Д. Сияновского представляется возможным экстраполировать на основную проблему религиозных исканий В.В. Розанова — отношение Бога и мира.

Мы интерпретировали взаимодействие Бога и мира в творчестве мыслителя посредством вычленения одного из его аспектов — феномена мира, обуславливающего специфику поздних произведениях Розанова, рассмотрев его в контексте идеи феноменологического типа А.Ф. Лосева [\[2, с.453\]](#). Свое видение мира Розанов в поздних произведениях определил через образ завроженности : «Мир живет великими заврожениями. Мир вообще и есть воровба. И круги истории, и эпициклы планет» [\[3, с.369\]](#). Речь у Розанова идет не об описании мира, но о его особом образе. Понятийное

осмысление образа мира было осуществлено в частности современником мыслителя Г. Зиммелем, определявшим философию как «...толкование, окрашивание и индивидуально избирающее акцентирование действительного»^[4, с.159]. Подобное акцентирование действительного Розановым создало его собственный образ мира, воплощенный в творчестве мыслителя.

Целью нашего исследования: является реконструкция образа мира в творчестве В.В.Розанова на основе интуиций мыслителя, воплощенных в «Мимолетном», «Уединенном», «Опавших листьях», «Апокалипсисе нашего времени», раскрывающаяся через рассмотрение: рецепции образов мира В.В. Розанова в специальной литературе; взаимодействия идеи, образа и понятия мира; образа «за мороженного» мира в творчестве В.В. Розанова

Рецепция образов мира В. В. Розанова в специальной литературе.

Особенность творчества В.В. Розанова заключается в том, что мыслитель демонстрирует интуицию мира не понятийно, а создавая его образ. Если реконструировать особенности образа мира, встречающиеся в текстах Розанова (описания обыденных вещей часто указывают на метафизические проблемы), то становится очевидным, что речь идет не только о художественных образах, а о символах, создающих единый образ мира. Реконструкция образа мира В.В. Розанова, осуществляемая исследователями, делает творчество мыслителя объектом не только литературоведческого или художественного анализа, но и философского размышления.

Г. В. Флоровский, П.А. Флоренский, В.В. Зеньковский, А.Ф. Лосев, В.В.Бибихин в своих работах характеризуя отдельные аспекты образа мира Розанова, подчеркивали особый характер религиозного поиска мыслителя. Г.В. Флоровский определял это как религиозный натурализм: «Розанов принимает мир, как он дан»^[5, с.585]. Религиозный натурализм Розанова отмечал и В.В. Зеньковский, считавший, что мыслителю «...дорого бытие до своего преображения»^[6, с.204]. Интерпретация Г.В.Флоровского и В.В. Зеньковского демонстрирует изначальную заданность видения Розанова (его религиозную центрированность), определяя мир Розанова через связь с запредельным. Г.В. Флоровский акцентировал специфику творчества Розанова как «духовную безытность»^[5, с.585], отмечая, что у Розанова было «...не простое чувство быта, а любованье бытом»^[5, с.585]. Безытность становится как бы обратной стороной любования. Образы конкретных вещей, которые Розанов рассматривал, описывая быт, являются образом мира как целого. Интерпретируя целое, Флоровский понимал под «безытностью» отсутствие у мира Розанова точки опоры в трансцендентной сфере. В.В. Зеньковский напротив предполагал, что в мире Розанова осуществляется «непосредственное касание к трансцендентной божественной сфере»^[7, с.445]. Связь с трансцендентной сферой «проливает свет» на недоговоренности и умолчания Розанова, позволяя интерпретировать их: «Что же я скажу (на т.с.) Богу о том, что он послал меня увидеть? ...Б. увидит, что я плачу и молчу, что лицо мое иногда улыбается. Но он ничего не услышит от меня»^[3, с.90]. Розанов, на наш взгляд, подчеркивал свою связь с трансцендентным, вместе с тем оставляя миру возможность быть любым (несовершенным и т.д.). Интерпретация этого фрагмента позволяет исследователям как бы наметить у Розанова «завершенный» образ мира, чего мыслитель пытался избежать. Упоминание Флоровским связи творчества Розанова с трансцендентной сферой дает возможность исследователям объяснить мир Розанова. Мы предполагаем, что для Розанова такое объяснение противоречит его интуиции изначальной неопределимости мира, что

акцентируется в трактате «О понимании», поэтому понимание мыслителя сосредоточено не на идеальной структуре мира «...истинная цель науки понимать то, что есть»^[8, с.259]. Приведенное ранее замечание Флоровского подтверждает, что мир Розанов принимал таким, каким он дан. С точки зрения В.В. Библихина речь идет не о данности мира, а скорее о заданности у мыслителя мира как «..присутствия с которым человек имеет дело»^[9, с.4].

Толкование Библихина подтверждается тем, что Розанов стремился избежать метафизической или религиозной предопределенности своей позиции: «И срывает меня с каждого места, где стоял»^[3, с.93]. Розанов сакрализует открытую им перспективу видения мира, особенность которой заключается в том, что мир рассматривается как неопределимое целое «...от всего ушел и никуда не пришел»^[3, с.339]. «Уход» от всего можно интерпретировать как отсутствие позиции. Об этом написал П. А. Флоренский «...Василий Васильевич есть такой шарик, который можете придавливать — он выскользнет, но который не войдет в состав целого: он сам по себе»^[10, с.321]. Флоренский демонстрирует представление о мире как целом, в которое Розанов не вписывается. Мысли и Розанова являются для него началом хаоса, не подчиненного противостоящему ему порядку. Для П.А. Флоренского, как и для А.Ф. Лосева интуицией мира является порядок, преобладающий над хаосом и просвещающий его. А.Ф. Лосев предполагал, что в античной традиции космос (мир) представляет собой «...различную степень освещенности бытия»^[11, с.93]. Смысловое начало, олицетворением которого является свет, развертываясь в мире, полагает ничто (тьму), имеющее потенцию стать чем-то, как свою границу; поэтому А.Ф. Лосев называл тьму «лоном рождающейся идеальности»^[11, с.99], сближающим эйдос и меон.

Можно предположить, что у Розанова также происходит сближение эйдоса и меона, идеи и материальной стороны вещи. Идея мира предстает в творчестве Розанова как множество вещей, «живущих» своей собственной жизнью. Он видит смысл идей не эйдетически, как А.Ф. Лосев, а логически, то есть богатое по объему понятие является бедным по содержанию, невыразительным. Диалог Розанова и Лосева дает возможность сближения видения мира мыслителя и античной традиции. Для Лосева эйдос «...смысловый лик, вещи, созерцательно и умственно осязательно данный»^[11, с.69], а логос «...метод смыслового оформления вещи, задание мыслить вещь»^[11, с.69]. Он, критикуя рационалистическую метафизику, отмечал, что «...рационализм гипостезирует логосы, представляя понятия в виде вещей»^[11, с.73-74]. Позиция Розанова в этом смысле неоднозначна. В поздних произведениях мыслителя есть фрагменты, свидетельствующие о близости его мира интенциям, присущим античной традиции «...вещи такие же нужные живые»^[12, с.196]. В «Опавших листьях» он отмечал: «Мне печально, что все несовершенно: но отнюдь не в том смысле, что вещи не исполняют какой - то заповеди, какого - то от них ожидания»^[3, с.154]. Розанов описывает ощущение боли за вещи, жалости к ним. Можно предположить, что интуиция вещей у Розанова носит эйдетический характер, позволяя рассматривать вещи как живые. Мыслитель не эксплицирует изолированно смысл вещей, не показывает, чем они ему нравятся. Вещи поэтому выглядят у Розанова как бы висящими в воздухе, лишенными собственного места в мире. Одновременно он подчеркивает конкретные признаки вещей «...дырочку на сапоге»^[3, с.93], которые тем самым гипостезируются, становясь отвлеченными смыслами мира. Для Розанова эйдетическое и логическое видение равнозначны. Это позволяет мыслителю сочетать между собой устремленность к трансцендентной сфере

(В.В.Зеньковский) с погруженностью в имманентное, сиюминутное (П.А. Флоренский, Г.В. Флоровский, В.В. Биbihин), подчеркивая непроясненность онтологических оснований мира.

Рецепция исследователями творчества Розанова (А.Д. Синавский, Г.В. Флоровский, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, В.В. Биbihин) показала возможность интерпретации образа мира Розанова как с точки зрения предзаданного основания (метафизической платформы), так и с точки зрения проблематичности наличия такого основания, его неопределимости. Творчество Розанова, тем самым указывая на мир, эксплицирует его имманентные особенности, сближая между собой мир как идею, образ и понятие.

Мир В.В. Розанова: идея, образ, понятие

В поздних произведениях, указывая на образ мир как целого, Розанов описывает его как ускользающий, меняющийся, лишенный точки опоры в метафизическом плане. Описания конкретных образов мира (отдельных вещей) отсылает к его образу как целого, чертой которого является неопределенность: «Всякое определение есть сужение (философия). И определять не нужно. Пусть мир будет неопределен. Пусть он будет свободен»^[13,с.95]. Розанов совмещает представление о метафизической неопределенности мира как целого: «Так и топорщится. Так и топорщится . —Кто? — Человек. То духи. То спириты. Витализм. Всякая чепуха. Сладу нет науке»^[12, с. 209-210] и определенности вещей «...вещи такие же, живые, нужные»^[12, с.196]. В своем воображаемом споре с Тимирязевым мыслитель дает парадийно - позитивистское описание мира как целого. Он подчеркивал, что мир как целое недоступен человеку науки и дан как миф, в котором идея мира (то, что видно в вещах как целостный смысл) неотделима от образа мира (конкретных черт вещей).

Сложность рецепции творчества Розанова состоит в том, что при прочтении идея отделяется от образа. Это приводит к абсолютизации одной из сторон видения мыслителя, тогда как он подчеркивал поливариантность своего видения: «На предмет надо иметь именно тысячу точек зрения»^[12,с.527]. Подтверждая это, Г. В. Флоровский отмечал, что в Розанове «...не было органической цельности, он весь в хаосе в минутах»^[5, с.583]. Описывая себя, Розанов подчеркивал момент динамизма, неустойчивости, изменчивости, говоря о «...вихре чувств, который составляет его литературу»^[13,с.62]. Видение Розанова, представляя собой реализацию идеи «...того, что видно в вещи»^[14,с. 175], демонстрирует переход идеи в образ, мечты в факт^[3,с.323-324]. Результат этого перехода мыслитель описывает как изменчивость мира «...самые планеты движутся, все, уклоняясь от прямой, все, отступая от вчерашнего пути»^[3, с.179].

Можно предположить что идеей, определяющей творчество мыслителя, является представление о потенциальности, лежащей в основании отдельных вещей. Образ мира Розанова включает в себя единство идеи (представления о мире как потенции) и образов (конкретных описаний вещей). Сближение идеи и образа дает возможность рассмотреть творчество Розанова на основе диалектики идеи и вещи, разработанной А.Ф Лосевым. Единство вещи и ее идеи у Лосева предполагает их различие, данное как статически, так и динамически^[15,с.310]. У Розанова связь идеи потенциальности с образами поздних произведений статична, то есть творчество мыслителя сводится к этой идее. Вместе с тем она динамична: образы мыслителя дополняют идею, делая реализацию потенции бесконечной^[16,с.42]. Это позволяет мыслителю сближать между собой феномены, принадлежащие к разным сферам культуры, например, Бог и пол:

«Связь пола с Богом — большая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом»^[3, с. 59], «вентилятор» и «тот свет»: «Неужели он (друг) на том свете не услышит вентилятора;...»^[3, с. 78-79]; таким образом, Розанов «рисует» собственный образ мира, называя это завроженностью «...мир живет великими заврожениями»^[3, с. 369-370] А. Ф. Лосев рассматривал это как метарациональную связь частей и целого, развертывающуюся «...поверх фактических определений вещей»^[15, с. 308]. Завроженность мира у него не определяется понятийно «...всякое определение есть сужение, пусть мир будет неопределен, пусть он будет свободен»^[13, с. 95].

В конкретных описаниях Розанова образ мира указывает на идею, непостижимую для отвлеченного знания, являясь для мыслителя реализованной потенцией. Указывая в «О понимании» на различие между определенными и неопределенными потенциями^[16, с. 39], Розанов акцентировал неопределенные потенции, способность которых перейти к реальному существованию зависит от дополнительных условий^[16, с. 51]. В.В. Библихин, поэтому, подчеркивал у Розанова «...укрытость постоянных форм природы и истории в ненаглядном, неуловимом»^[17, с. 11]. Можно предположить, что потенциальный характер мира эксплицируется в произведениях Розанова как взаимодействие идеи и образа — синтез определенных и неопределенных потенций в действительности, поэтому интенцией творчества Розанова остается мир как неопределенное целое, выраженное через образы, связь между которыми не дана непосредственно. Жизнь Розанова соотносится с тем представлением о мире, которое он отстаивает в данный момент: «Сочетать Дон-Кихота и Санчо Панчо ?... Все историки литературы пожали плечами. Бог сказал: Можно и сотворил Розанова»^[12, с. 294].

В поздних произведениях Розанов развертывает интуицию мира как идеи (видимого, но не ведомого человеку смысла происходящего), как образа (реализованной идеи) и как понятия (логически осмысленной идеи). Это реализуется в образах философа в качестве личностного переживания — мифа о мире как к порядку, как хаосу и как их взаимодействию.

Мифическое видение мира (космоса) Розанов демонстрирует в «Уединенном», замечая, что до встречи со второй супругой «другом», мир был для него «...не космос, а Безобразие, и, в отчаянные минуты, просто Дыра»^[3, с. 139]. Розанов описывает мир символически. Образы, которые он использует, указывают на нечто, выходящее за рамки конкретных событий, открывая мир как целое, что Розанов демонстрирует через образ хаоса, лжи и т.д. Мыслитель сравнивает это с «ворованьем» мира у Бога «...тут туманы (души и мира) колеблются, и мне все это ворованье с людьми представлялось чем-то, находящимся под тайным покровительством Божиим»^[3, с. 154], признавая хаос в мире столь же необходимым, как и порядок. Розанов описывал «ложь» мира: «И я...И мир... Мы все лжем... П.ч. мы прекрасны...П.ч. мы бесполезны».^[13, с. 23] Он благодарит Бога за непостижимость мира, являющуюся загадкой для человека. Ее разгадывание равнозначно гибели мира: «Бог взял концы вещей и связал в узел, — неразвязываемый. Распутать невозможно, а разрубить — все умрет. И приходится говорить — синее, белое, красное. Ибо все — есть»^[3, с. 35-36].

В образе мира Розанова сохраняется его непроясненная сторона «...хорошо: пусть должное и остается должным, а есть пусть и остается всегдашним есть»^[13, с. 26], поэтому мир «...вечно тревожен и вечно живет»^[3, с. 104]. «Тревогу» мира Розанов противопоставляет человеческим представлениям о нем как порядке, реализованным в

утопиях: «Какая же чепуха эти Солнечный город и Утопия: суть коих вечное счастье. Т.е. окончательное устойчивое равновесие. Это не будущее, а смерть»^[3, с.104]. Дополнительной коннотацией образа мира у Розанова является представление о нем как живом организме: он непредсказуем (хаотичен) и вместе с тем подчиняется порядку. Розанов отстаивает живой мир в споре с позитивистами, для которых «..мир — труп»^[12,с.209-210]. О мире, как живом организме, Розанов судил, исходя из его эпифаний (явлений). Рациональное познание (превращение данной в образе идеи мира в отвлеченное понятие) неполно. Образ мира как целое, связывая части между собой, остается вне них, поэтому Розанов критикует видение позитивистов, претендующих на целое: «...позитивисты рассуждают, как дети. Которые, видя стену, говорят: это стена. ... Все это истинно, но недостаточно»^[12,с.198].

Для описания взаимодействия образа мира как порядка и образа мира как хаоса мы экстраполировали на позднее творчество Розанова предложенный А.Ф. Лосевым для характеристики космоса досократиков прием «...отмысливания одного или многого»^[18, с.132]. Это позволило показать, что образы мира как порядка, хаоса и как их взаимодействия демонстрируют мир как целое, отождествляя его с действительностью: «Самое существенное просто действительность»^[3,с.169]. В образном ряду мыслителя она определяется денотатом «мир», коннотатами которого является мир как порядок, как хаос или как их взаимодействие. Хаос и порядок в невыразимом целом мира уравнивают друг друга. Это равновесие Розанов показывает, описывая взаимодействие монотеизма и политеизма: «—Мир—целомудренная супруга,—говорит монотеист.— Мир—это девушка, которую еще никто не взял замуж...— говорит политеист»^[12,с.527].

Изолирование порядка или хаоса приводит к их противоречию, которое снимается через игру мира: «Бог создал игру в прятки»^[13, с.199]; в ней «...хаос также необходим как разум и совесть»^[13, с.96]. Розанов, таким образом, нивелирует трагический характер противоположности порядка и хаоса, непостижимой для человека. Возможна и другая трактовка, в соответствии с которой элемент игры в мире онтологически необходим. У мыслителя сочетаются оба варианта (хаос, порядок и их взаимодействие как игра и как онтологическая необходимость). Хаос предопределен, как и порядок, а элемент игры маркирует переход от порядка к хаосу и наоборот «...жизнь вся полна спиритуалистических токов»^[13, с.189], поэтому игровой элемент в собственном смысле слова (игра ради игры) не интересен для Розанова: «Как я родился? А вот как: люблю водевиль, а живу в трагедии»^[13, с.164].

Образы мира как порядка и как хаоса, как было отмечено ранее, переходят друг в друга, поэтому мыслитель связывает в поздних произведениях противоположные друг другу темы: обыденную жизнь и метафизические проблемы. Это дает возможность описать творчество Розанова метафизически как зависимость между сверхчувственным и чувственным аспектами мира^[2,с.40]. У Розанова сверхчувственный аспект мира (описание идей и потенциальных переходов между ними) «занижается», вовлекаясь в земную жизнь мыслителя; речь идет о неподконтрольности мира человеку. Мыслитель указывает на это, призывая современников обращать внимание на « псевдонимы в природе...хитринки мира»^[13,с.199], сближая между собой образ мира как порядка и как хаоса: «Реальная действительность это просто полицейский»^[12,с.302-303]. Действительность (мир), представленная в образе полицейского, выражая порядок,

сохраняет хаос, не вмешиваясь в дела улицы. Порядок у Розанова — реализованная потенция образа мира как целого, частными характеристиками которого являются человеческие представления. Особенность видения философа состоит в том, что улица, несмотря на «независимость», подчиняется полицейскому. Подчинение это иррационально, но, если отказаться от него, порядок мира нарушится. Мыслитель, таким образом, предвосхищает то, что впоследствии расскажет В.В Библихин о мире как целом: «Раньше чем мы задумаемся о понятии, мы уже имеем дело с миром, не со словом, а с самой вещью» [\[19, с.3\]](#).

Образ мира как целого показан у Розанова через описание конкретных вещей. Конкретность демонстрирует вещь как неповторимую, привлекая внимание читателя. К образам вещей у позднего Розанова, как мы предполагаем, применимо отмеченное А. Ф. Лосевым в диалогах Платона различие в употреблении понятий «эйдос» и «идея», когда эйдос имеет дифференциальный, а идея интегральный характер [\[18, с.144\]](#). «Вещь» у Розанова может быть интерпретирована и как эйдос (переход от одной ее стороны к другой), и как идея (сближение отдельных сторон в целом, что было показано в одной из наших работ [\[20, с.33\]](#)). Розанов переходит от одного признака (черты) вещи к другому, «...собирая единый лик вещи, ее живую неповторимую картину» [\[15, с.227\]](#).

Основываясь на выделенном А.Ф. Лосевым различии эйдетического и логического видения вещи, приведенном нами ранее, можно предположить, что Розанов описывает специфику вещей не эйдетически, а логически. Конкретный признак вещи (изолированный смысл), акцентируясь, противопоставляется другим смыслам. Для изолированных вещей имеется соответствующее им целое — образ мира, о чем мыслитель пишет «...уклончивость всех вещей от определения своего, уклончивость всех планет от прямой... может быть она в том, что мир хочет быть застегнут на все пуговицы... но, если иное...Что? Не хочу даже сказать. Пугаюсь» [\[3, с.316-317\]](#). Можно предположить, что уклончивость обозначает неподконтрольность мира человеческому знанию, его непостижимость, описанную В.С. Соловьевым, С.Л. Франком, А.Ф. Лосевым и др. В основании непостижимости мира по Розанову лежит нечто неопределимое. Мыслитель демонстрирует «темную» сторону мира «...пугаюсь» [\[3, с.316-317\]](#); скорее всего речь идет об образе мира как хаоса, который вписан в человеческую систему координат мира, детерминированную порядком.

Мы считаем, что образ мира Розанова «напоминает» представления о мире античных досократиков, которые исходили из целостного видения чувственно-материального космоса — из мифа о нем [\[11, с.110\]](#); подобным мифом для Розанова является миф индустриальной цивилизации девятнадцатого, начала двадцатого столетий, построенный на позитивистской науке. Мыслитель переосмысливает основания, которыми определяется право науки на то, чтобы не только истолковать мир, но и овладеть им. Розанов демонстрирует, что хаос мира не поддается овладению.

В образе мира Розанова есть оттенок апофатки — утверждения мира как отрицания человеческих мнений о нем, основанных на рациональном знании «...по-видимому (в историю, в планету) влит некий % пошлости, который не подлежит умалению» [\[3, с.230\]](#). Мыслитель онтологизирует пошлость, соотнося ее с метарациональными основаниями мира, поэтому Розанов снисходительно относится к проявлениям зла в человеческой жизни: «Не полон ли мир ужасов, которых иы еще совершенно не знаем? Не потому ли нет полного ведения, что его не вынес бы ум и особенно не вынесло бы сердце человека» [\[3, с.161\]](#).

Пошлость мира по Розанову акцентирует относительный характер его человеческих дефиниций. Розанов, таким образом, подчеркивает проблематичность перехода от идеи к образу и от образа к понятию, демонстрируя ее через образы поздних произведений. Это эксплицирует константу творчества мыслителя — идею потенциальности в качестве личностного переживания мира как порядка, хаоса и их взаимодействия, привлекая внимания читателя к образу мира как невыразимого целого.

Образ «замороженного» мира в творчестве В.В. Розанова

Образ замороженного мира Розанова представляет собой мистическое переживание целого и частей, эксплицированное в личностном бытии Розанова — его мифе. Этим обусловлено сближение в мире Розанова античной и христианской интуиции космоса. Одновременно мыслитель, оставаясь традиционалистом, разворачивает интуицию мира как присутствия, близкую интенциям М. Хайдеггера.

Образ замороженного мира для Розанова предполагает вариативный характер человеческого знания о нем. Вариант предопределен: это мир, открытый человеческому смотрению: «Я пришел в мир, чтобы видеть, а не совершить» [\[3, с.90\]](#). Наряду с «эйдетической» возможностью такого смотрения у Розанова выявляется и «логическая» его возможность [\[11, с.69\]](#). Если исходить из предложенной А.Ф. Лосевым дефиниции, то для Розанова «смысловым заданием» мира является его неопределенность, упомянутая как в первой работе «О понимании», так и в поздних произведениях. Осмысленная логически, она предполагает противоречие одного определения вещи или явления другому (речь идет об изолированных смыслах мира, каждый из которых автономен «... все мы с хвостиками, обращенными в разные стороны» [\[3, с.59\]](#)).

Смысловое задание творчества Розанова предполагает множество человеческих миров «...границ суждений» [\[3, с.59\]](#). Розанов связывает отвлеченные смыслы с конкретными личностями «...человек и здесь, как везде, раньше теории» [\[3, с.46\]](#). «Теория» обозначает у Розанова отвлеченное знание, не соотнесенное с личностью. Преодолевая отвлеченность, мыслитель показывает, как личностная проекция смысла обеспечивает его бесконечную конкретизацию. Переход от отвлеченного к конкретному явлен через личность (чаще всего самого Розанова) или группой, классом, сословием. Перенесенный с личности на группу смысл мира становится у Розанова абстракцией. Мыслитель снимает абстрактность смысла, соотнося его с отдельной личностью — членом группы. Подтверждением нашей точки зрения является фрагмент «Мимолетного», в котором мыслитель противопоставляет метафизическую картину мира «...у человека есть душа, мир сотворен Богом» [\[12, с.572\]](#) позитивистской картине, для которой «мир—труп» [\[12, с.210\]](#).

Розанов сближает картины мира между собой посредством «банализации» метафизических постулатов: «Человечество имеет самые обыкновенные мысли пот. что оно есть самое обыкновенное человечество» [\[12, с.571\]](#). Обыкновенность подходит любой личности (речь идет о логосе как чистом смысле, не соотнесенном ни с какой личностью, но имеющем возможность такого соотнесения). Это же касается метафизиков и позитивистов, с личностями которых идея соотносится как форма понимания. Ее содержание зависит от личности понимающего. Смысловое задание предопределяет множественность постижений мира «...ты хочешь затруднить человечество и бросить его в логарифмы ... но, поверь, тогда помешанных сделалось бы еще гораздо больше...» [\[12, с.572\]](#). В творчестве Розанова имеет место парадокс: утилитарный критерий удобства распространяется на метафизическую реальность. Бытие божие и воспринимаются как

отвлеченный смысл, составляющий фон человеческой жизни.

Противоречие между позитивистским и религиозным взглядом на мир снимается самим миром «...мышление просто как воздух, которым мы дышим»^[12, с.572]. Простота предполагает неразложимость мира на элементы, то есть мир дан именно так, как он существует в действительности (как вода, воздух и т.д.). Эту особенность видения Розанова подчеркивал В.В.Бибихин, говоря о его элементарности, стихийности^[17,с.22]. Он относит к особенностям видения Розанова то, что мыслитель распространял на мир в целом невозможность «снятия» существующего положения дел, предшествующего мышлению. Неразложимость на элементы, таким образом, предполагает, что целое уже явлено, мир открыт человеку, сближая метафизический и позитивистский взгляд. У Розанова оба взгляда предопределены тем, что действительный мир является человеческим домысливанием существующего положения вещей.

Розанов предполагал, что действительность, к которой человек только приближается, нельзя изменить^[3,с.169], таким образом, положение вещей, неизвестное человеку, определяет его отношение к миру. Человеческое вмешательство, его усилие только усложняет ситуацию и поэтому оно губительно для мира^[3,с.94]. Этим объясняются противоречия Розанова, когда явление включает в себя свою противоположность «...позитивист должен замечать кое-что у мистика»^[12, с.227]. Розанов через образы поздних произведений защищает целостность мира, сохраняя его смысл в тайне от человека.

В целях сбережения тайны мира мыслитель пользуется при описании сложных явлений аналогиями, взятыми из природы, например, аналогией «идеи» и «воздуха»^[12, с.572]. Розанов демонстрирует, что любой найденный человеком смысл мира остается относительным, радуясь тому, что: «Бог создал мир не по учебнику»^[13, с.81] (под учебником мыслитель подразумевает смысл мира, обоснованный человеком, гипотезирование понятий и представление их в виде вещей, которое А.Ф. Лосев позже назвал характеристикой современной позитивистски ориентированной науки^[11, с.73-74]). Для Розанова гипотезирование понятий предполагает ускользание вещей. Мыслитель подчеркивает, что смысловое задание относится не к вещам, а к человеческим представлениям о них.

Творчество Розанова, предполагая множество вариантов интерпретации, оставляет открытым вопрос о том, что представляет собой мир. Ответить на него можно с разных позиций. Позиция В. В. Бибихина построена на том, что представление Розанова о мире может быть экстраполировано, исходя из любого образа ранних или поздних произведений^[17,с.9]. Мир, как уже было указано, предстает как целое, данное в опыте конкретного человека частями (религиозное, научное и обыденное знание), представляющее собой его «усложнение». Розанов показал, что усложнение неизбежно как и метафизическая победа техники (печати) над душой^[3,с.43]. В познании мира для Розанова остается важным переход от частей к целому. Пользуясь предложенной А.Ф. Лосевым терминологией, можно предположить, что у Розанова переход дан как бы со стороны частей, когда каждая часть (смысл) предопределяет другие смыслы, обращенные к целому. Мыслитель, несмотря на противоречивые высказывания (например, о России), остается верен собственной интенции, в соответствии с которой «...каждое мое слово есть истина в отношении души, его сказавшей»^[12,с.198]. Мыслитель не приводит доказательств, а только упоминает о них, показывая, что смысл мира может быть актуализирован, исходя из запредельного начала. Это подтверждает В. В.

Зеньковский, подчеркивая в творчестве Розанова религиозную составляющую [\[7, с.437\]](#).

Религиозный смысл исканий Розанова, таким образом, оказывается предзаданным, становясь для фрагментов мыслителя «надпротиворечивым смыслом» [\[21, с.130\]](#), детерминантой, превращающей фрагменты мыслителя в целое, что обуславливает его вариативный характер. Интенция Розанова фиксирует невыразимость феномена мира катафатически, предустанавливая его выраженность через все. Розанов поэтому и религиозный человек, и позитивист «...на виду я – всесклоняемый; в себе (субъект) — абсолютно несклоняем...» [\[3, с.50\]](#). Аналогичную установку у Розанова отмечает В.В. Биbihин, указывая, что мыслитель, «подобрав» темы «О понимании» из учебной литературы своего времени «...пробует на них свой размах» [\[17, с.9\]](#). Размах обеспечивает возможность для мира быть любым и устремленность Розанова этот мир принять.

Прикосновение к тайне замороженного мира предполагает возможность ее понимания в контексте как античной, так и христианской интуиции космоса. Античная интуиция основывается на предельности материального космоса «...все движения в нем совершаются и в нем же завершаются» [\[2, с.458\]](#). Космос Розанова предельно, так как он сконцентрирован на повторяющихся моментах жизни, связанных с циклом рождения: «Тело священнее духа. Я хочу сказать — духовнее так называемой души» [\[12, с.513\]](#). Мыслитель, поэтому противопоставляет отвлеченную душу и конкретное тело, к которому можно прикоснуться; речь у него идет об одушевленном теле, воспринимаемом лично. Мы предполагаем, что Розанов, таким образом, сближает античную интуицию тела, в соответствии с которой душа телесна, и христианскую, в центре которой оказывается одушевленное тело; сближение эксплицируется Розановым как противоречие. Мыслитель, идеализируя телесность, тем не менее, констатирует: «Связь через рождение еще не вхлестывает в себя метафизику» [\[3, с.245\]](#). Это противоречие экстраполируется мыслителем на мир в целом. В письме Э.Ф. Голлербаху мыслитель отмечает у себя «...страшное разлитие чувства космогонизма: мир есмь я, а я есмь мир» [\[22, с.354\]](#); Розанов далее акцентирует внимание на конечности человеческого бытия: «Человек умирает весь, в полном составе души и тела, за исключением ростка, живчика, семени» [\[22, с.359\]](#). Комментируя интуицию мыслителя в античном контексте, можно отметить, что смерть — возрождение и возвращение в конечный и повторяющийся мир рождения. В христианском контексте индивидуальная смерть становится онтологическим концом человека. Розанов не верит в жизнь за гробом, а, следовательно, не принимает возможности преображения человеческого бытия: «Если бы не смерть, то Христос ... Но смерть есть» [\[13, с.53\]](#). В видении Розанова античная и христианская интуиция космоса сталкиваются между собой, поэтому у мыслителя нет законченной картины бытия мира и человека, христианской или языческой. Акцент переносится философом на образы мира, которые могут быть интерпретированы внутри любой из этих картин. Мыслитель демонстрирует ограниченный характер бинарных оппозиций (христианство и язычество, небо и земля, душа и тело), в рамках которых рассматривали его творчество В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, Н.Д. Сияевский, Г.В. Флоровский и др.

Мы предполагаем, что несводимое к бинарным оппозициям творчество философа содержит герменевтический момент. Интерпретация тайны мира заключается не в ее раскрытии, а скорее в акцентировании ее непостижимости. К Розанову как одному из предтеч русской герменевтики применимо замечание Н.К. Бонеевой о том, что «... западная герменевтика заменила Бога на бытие» [\[23, с.90\]](#). Розанов осуществляет то, что

В.В. Биbihин применительно к творчеству М. Хайдеггера и современной культурной ситуации называл погоней мысли за упущенным целым мира, заменой которому является человеческая картина мира [\[9, с.12\]](#).

Целое мира, по замечанию В.В. Биbihина, «...раньше самой ранней мысли ясность или неясность того, в чем она, простор, просвет, мир» [\[9, с.6\]](#). Розанов приучает читателя смотреть в этот просвет, поэтому его интересует не картина мира — его рационально-логическая схема, а мир, данный до всякого определения, неопределенный и свободный [\[13, с.95\]](#). Розанов интуитивно опровергает то, что М. Хайдеггер впоследствии назвал по отношению к науке «набрасыванием схемы природных явлений» [\[24, с.43\]](#), объективирующим человеческое знание о мире. Розанов, интенцируя мир как целое, «обесценивает» абсолютизацию знания, сравнивая «...моральных людей со сделанными вещами» [\[3, с.114\]](#) («сделанные вещи» — люди, облик и действия которых соответствуют схеме набрасывания). Розанов «снимает» схему (шаблон), то, что остается после снятия (человек или вещь), оказывается открытым просвету (миру как присутствию). Мир, увиденный вне схемы, перестает быть понятным, теряя точку опоры, поэтому для понимания Розанова, в котором «...заключена разгадка всего» [\[16, с.15\]](#) характерен элемент неопределенности и спонтанности. Неслучайно С. В. Скородумов интерпретировал реализованное понимание как конец истории [\[25, с.18\]](#) (история, в данном случае, то, что осмыслено человеком, пережито, а значит схематизировано). Современные исследователи, сводя творчество Розанова к основной идее, продолжают процесс этой схематизации, в частности А. В. Золотарев, рассматривая трактат Розанова «О понимании», отмечает, что мыслитель «...растворяет личность человека в природном начале» [\[26, с.112\]](#). Это можно принять, если понимать под природным началом у Розанова не материальную необходимость (схему), а мир (бытие), на участие в котором человек обречен положением в космосе. Оправдывая особое место человека, мыслитель противостоит «расколдовыванию мира, когда миром можно овладеть путем расчета, и все окружающее подчиняется схеме производства» [\[27, с.714\]](#).

Мир Розанова — живой мир, образ которого можно интерпретировать как прикосновение к его метарациональной сути, что было рассмотрено нами в другой работе [\[28, с.4\]](#). Мыслитель делает акцент на множественности форм мира, а не на единстве; на метафизике, а не на мистике. Он в своем творчестве прикасается к тайне мира, который «живет великими заворожениями» [\[3, с.369-370\]](#), сближая целое и части, субъект и объект, личность и общество; однако де факто воскрешение замороженного мира есть художественно-философская реконструкция космоса, подчиненного шаблону, что является трагедией творчества философа.

Заключение

Видение образа мира В.В. Розанова может быть охарактеризовано как мир неопределен и свободен, мир ограничен, мир относительно ограничен и относительно свободен, что предполагает подчинение человека миру, который «...вечно тревожно и вечно живет» [\[3, с.104\]](#). В творчестве Розанова подчинение представляет собой завораживание — возвращение человека к целостности мира. Связь с ней не определяется обусловленностью конкретной метафизикой, являясь свидетельством цельности человека, не соотносимой с бытием (мышлением) в его отвлеченности и возможной как отклик на присутствие мира рядом: «Хорошо истинно думать. Разумеется. Но и хорошо думать потому, что хорошо так думать» [\[13, с.334\]](#).

Библиография

1. Синявский А. Д. Опавшие листья В. В. Розанова. Париж: Синтаксис, 1982. 337 с.
2. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
3. Розанов В. В. Уединённое: Сост., вступ. статья, коммент., библиогр. А. Н. Николюкина. М.: Политиздат, 1990. 543 с.
4. Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии: Сост. С. Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с.
5. Флоровский Г. В. Пути русского богословия: Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
6. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа: Сост. П. В. Алексеева; Подгот. текста и примеч. Р. К. Менделеевой; Вступ. ст. В. Н. Жукова, М. А. Маслина. М.: Республика, 2005. 368 с.
7. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
8. Биbihин В. В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. 430 с.
9. Биbihин В. В. Дело Хайдеггера: // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 3-14.
10. В. В. Розанов: pro et contra: антология: Сост., вступ. статья, коммент. А. Я. Кожурина. СПб.: РХГА, 2021. 824 с.
11. Лосев А. Ф. Бытие — имя — космос: Сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 958 с.
12. Розанов В. В. Собр. соч. Когда начальство ушло...: Сост. П. П. Апрышко и А. Н. Николюкин. М.: Республика, 2005. 671 с.
13. Розанов В. В. Собр. соч. Мимолётное: Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. 541 с.
14. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ, 2000. 846 с.
15. Лосев А. Ф. Миф — Число — Сущность: Сост. А. А. Тахо-Годи; Общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1994. 919 с.
16. Розанов В. В. О понимании: Под ред. В. Г. Сукача. М.: Танаис, 1995. 808 с.
17. Биbihин В. В. Время читать Розанова: // Розанов В. В. Сочинения: О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Танаис, 1995. С. 9-25.
18. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 960 с.
19. Биbihин В. В. Мир. Томск: Водолей, 1995. 144 с.
20. Акимов О.Ю. Идея-тема становления в творчестве Василия Розанова в контексте античной традиции // Философия и культура. 2023. № 4. С. 33-45. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.4.40109 EDN: NALTTJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40109
21. Грякалов А. А., Грякалова Н. Ю. В. В. Розанов: топосы схождения и логика взаимодействий: // Соловьевские исследования. 2019. № 2(62). С. 128-144. EDN: YODQMQ
22. Розанов В. В. Собр. соч. В нашей смуте (Статьи 1908 г. Письма к Э. Ф. Голлербаху): Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. 429 с.
23. Бонецкая Н. К. Предтечи русской герменевтики: // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 90-98. EDN: SDXJSX
24. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
25. Скородумов С. В. Особенности религиозно-философских взглядов В. В. Розанова: // Ярославский педагогический вестник. 1997. № 3. С. 16-20.

26. Золотарев А. В. Тема зла в раннем творчестве Василия Розанова: // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3. С. 105-117. DOI: 10.18384/2310-7227-2018-3-105-117 EDN: YLJCVF
27. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./ Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с. EDN: SGUYOR
28. Акимов О.Ю. К вопросу об особенностях творчества Василия Розанова (опыт интерпретации предположений) // Философия и культура. 2024. № 8. С. 1-20. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.8.71359 EDN: QSKWLT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71359

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена творчеству В.В.Розанова. Знакомство с ней порождает сомнения в том, что автор хорошо представляет себе все опасности, которые подстерегают исследователя, решающегося братья за эту необычную фигуру в русской философии и литературе. Кажется, каждая прочитанная розановская строчка порождает реплику, ответ, согласие или возражение, желание дополнить, привести собственный пример или сослаться на какое-то «параллельное размышление». И вот строка за строкой, страница за страницей розановских фрагментов, а там, глядишь, сделанные как бы невзначай записи разрослись до объёма журнальной статьи... Но о чём говорят написанные подобным образом – на «розановском материале» – статьи? Угадывается ли за ними облик самого Василия Васильевича? Скажем честно – ничуть! А открывается ли в таких текстах самостоятельный стиль мысли их номинальных авторов? – Пожалуй, ещё меньше... За последние тридцать пять лет, с моменты выхода в Политиздате первого сборника «позднего» Розанова, о составивших его замечательных и, как правило, «парадоксальных» художественно-философских фрагментах сказано и написано так много, что сегодня следует самокритично взвесить свои силы, прежде чем «складывать» «стихийно рождающиеся» при чтении заметки в «новые» статьи. Не оказываются они «новыми»! Скорее, даже наоборот, вал подобных, весьма однообразных, публикаций, авторы которых раз за разом силятся имитировать «настроение», «слог» Розанова, сливаются в какое-то «феноменологическое пятно», в котором читатель уже не может разобрать, где одна «публикация» перетекает в другую... В.В. Розанов сегодня, после множества монографий, диссертаций, статей, уже не нуждается в «представлении», он нуждается в анализе – ясном и строгом, принимающем во внимание то, что уже сделано отечественными (и зарубежными!) исследователями, формулирующем проблемы, выделяющем последовательность в их обсуждении и решении, одним словом, в таком же анализе, который давно стал нормой в изучении других философов и литераторов. К сожалению, рецензируемая статья представляет собой настоящий «антипример» того «идеального» розановедческого исследования, характеристики которого указаны выше. Однако текст провоцирует и множество совершенно конкретных замечаний. Название явно неудачное. Почему не взять для начала «замерзший мир» в кавычки? Но даже в этом случае оно было бы неприемлемо просто потому, что не указывает ни на какой конкретный предмет, например, тот или иной аспект розановского творчества. Самый простой вариант состоит в том, чтобы дать подзаголовок, в скобках или через двоеточие. Далее, как бы оправдываясь за вынесенное в название выражение, автор ссылается на два последние фрагмента «Опавших листьев». Они и вправду удивительные, но следует ли из них необходимость выделения «замерзшего мира»

как особой темы у Розанова? На взгляд рецензента, нет, но если автор думает по-другому, всё равно, своё решение нужно обосновывать, а не ограничиваться простыми ссылками на розановский текст. С последним обстоятельством связано ещё одно замечание. Автор даёт, как правило, очень краткие цитаты, но совершенно не стремится их детально комментировать, предполагая (?), что они ясны и сами по себе... Нет, не ясны! Другой читатель совсем не обязательно понимает их так же. К тому же, в некоторых случаях неумелое цитирование и вовсе способно ввести в заблуждение. Посмотрим на первый абзац заключения (в котором, кстати, и не сказано ничего конкретного). Читатель, который с ним познакомится, имеет все основания предположить, что это у Розанова речь о «триадах»-то и идёт... Разумеется, приведённые слова Розанова ни к Гегелю, ни к «триадам» никакого отношения не имеют. И зачем тогда здесь «этот немец»? Подобных явно неудачных примеров «вписанных цитат» в тексте множество. Вряд ли целесообразно публиковать статью в научном журнале в её сегодняшнем виде, хотелось бы порекомендовать автору подумать над тем, что же именно он стремится сказать читателю, и выразить своё восприятие образа В.В. Розанова в ясном и логичном тексте.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Образ мира в творчестве Василия Розанова»

Обращение современных авторов к творчеству Владимира Васильевича Розанова, писателя, философа и публициста, очень своевременно и, конечно, актуально. Оригинальное творческое наследие русского мыслителя по праву занимает особое место в истории русской культуры. Его идеи продолжают оставаться актуальным и сегодня благодаря уникальному сочетанию остроты социальной критики, философской глубины и неподдельной эмоциональности. В современном контексте значение творчества Розанова выходит за рамки его исторического периода и находит новые отклики в различных сферах жизни. Безусловно, автор статьи верно замечает, что один из центральных в философском и литературном наследии Розанова является его подход к философии повседневной жизни и миру повседневного опыта. Сегодня Розанов воспринимается как предшественник феноменологии и экзистенциализма, который создавал своеобразный образ мира, акцентируя при этом внимание на субъективном опыте человека.

Актуальность обращения к творчеству Розанова кроется в его глубокой заинтересованности вопросами духовности «чувственного, живого мира» и «сокровенности» бытия. В условиях современного мира, когда человек часто испытывает чувство неопределенности и потерянности, сталкиваются с кризисом веры и поиском смысла, безусловно, идеи Василия Розанова о важности личного опыта и внутреннего поиска могут служить источником вдохновения и размышлений. Розанов в своих размышлениях выстраивает сложный диалог с читателем, показывая таким образом, что может помочь людям в их стремлении найти свое место в мире. Его философия призывает к осмыслению жизни и поиску глубинных ценностей, что особенно актуально в эпоху информационного перенасыщения.

В представленной работе автором подчеркивается, что «основополагающий комплекс идей В.В. Розанова сводится к отношению Бога и мира, актуализируясь как единая

интуиция». Интересным, на мой взгляд, является последовательное стремление автора в данной статье интерпретировать это взаимодействие Бога и мира (в поздних произведениях Розанова) «посредством вычленения одного из его аспектов — феномена мира, опираясь на идеи феноменологического типа А.Ф. Лосева».

Автору статьи удалось показать, что в творчестве Василия Розанова мир представлен как сложный и многослойный образ, отражающий внутренние, уникальные переживания человека, отмечая при этом, что восприятие мира всегда индивидуально и неповторимо. Цель исследования обозначена в работе как «реконструкция образа мира в творчестве В.В. Розанова». Надо сказать, что заявленная тема является важным шагом к пониманию творчества Василия Розанова в целом, поскольку отражает очень личные и в тоже время глубоко философские размышления мыслителя о жизни, любви, природе и духовности, создавая глубокую и многослойную картину человеческого существования. Одновременно автор подчеркивает, что Розанов создает свой собственный образ мира, воплощенный в его творческом наследии, с чем нельзя, конечно, не согласиться.

Статья логично структурирована, она включает три раздела: рецепция образов мира В.В. Розанова в специальной литературе; взаимодействия идеи, образа и понятия мира; образ «замороженного» мира в творчестве В.В. Розанова, которые вполне последовательно позволяют автору решать поставленные задачи и следовать своему замыслу.

Научная новизна в работе представлена.

Название статьи в целом соответствует содержанию. Работа вполне органично выстраивается в целостное изложение материала.

Библиография отражает исследовательский материал и оформлена в соответствии с требованиями.

Характер и стиль изложения материала соответствуют основным требованиям, предъявляемым к научным изданиям такого рода.

В процессе знакомства со статьей, возникает ряд замечаний, которые имеют дискуссионный характер.

Некоторые высказывания избранных автором исследователей творчества Розанова (автор не поясняет, почему именно они являются главными интерпретаторами) представлены или даже перечислены в работе противоречиво. С одной стороны, это понятно, поскольку сам Розанов и его наследие не могут восприниматься однозначно (возможно в этом особенная сила его произведений). С другой стороны, анализ такого разнообразия позиций должен был как-то показать и собственное видение автора, что, на мой взгляд, в первой части работы сделать не удалось.

Другое замечание касается заключения, представленного в статье. По-моему мнению, в нем не нашел своего полного отражения и ожидаемого обобщения тот большой исследовательский материал, который был представлен автором.

Несмотря на высказанные замечания, которые носят скорее рекомендательный и дискуссионный характер, данная тема, на мой взгляд, имеет хорошие перспективы и может быть интересна для всех, кто интересуется творчеством Василия Розанова и русской философией в целом. Статья может быть рекомендована к публикации.